

Н.И. КОНОВАЛОВА
г. Екатеринбург, Россия
sakralist@mail.ru

УДК 81'42:39
DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_12

ГАДАНИЕ КАК ТЕКСТ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Аннотация. В статье анализируется обряд гадания, в этнолингвистическом аспекте понимаемый как многокодовый культурный текст: демонстрируются, в частности, вербальный и акциональный коды гадания. Особое внимание уделяется хронотопу обряда, поскольку гадания, как правило, имеют временную и локальную приуроченность. Выявляются факторы, определяющие суггестивный эффект гадания: синкретизм реального и воображаемого в сознании участников обряда, мифосимволизм атрибутов обряда, стереотипные представления о магической функции предметов и ритуальных действий, опора на этнокультурных пресуппозиции, связанные с элементами гадания, форма используемых вербальных знаков и т.д. Представлены результаты психолингвистического эксперимента по заполнению лакун в тексте, смоделированном по материалам этнолингвистического словаря «Славянские древности». В тексте были пропущены слова и словосочетания, фиксирующие базовые для гаданий этнокультурные стереотипы: названия нереальных персонажей (потусторонней силы), элементов хронотопа, символических атрибутов гадательных практик и ритуальных действий. Выявлена тенденция к десакрализации мифоритуальных практик традиционной народной культуры, их осмыслению в профанно-прагматической плоскости.

Ключевые слова: этнолингвистика; этносы; этнокультурные стереотипы; психолингвистические эксперименты; культурные тексты, гадание.

KONOVALOVA NADEZHDA I.

Ekaterinburg, Russia

FORTUNE-TELLING AS TEXT: AN EXPERIMENTAL STUDY OF ETHNOCULTURAL STEREOTYPES

Abstract. The article analyzes the rite of fortune-telling, in the ethnolinguistic aspect, understood as a multi-code cultural text: it demonstrates, in particular, the verbal and actional codes of fortune-telling. Particular attention is paid to the chronotope of the rite, since fortune-telling, as a rule, has a temporary and local association. The factors that determine the suggestive effect of fortune-telling are revealed: syncretism of the real and the imaginary in the minds of the participants in the rite, the mythological-symbolism of the attributes of the ceremony, stereotypical ideas about the magical function of objects and ritual actions, reliance on ethno-cultural presuppositions associated with elements of fortune-telling, the form of verbal signs used, etc. etc. The article presents the results of a psycholinguistic experiment to fill in the gaps in the text modeled on the materials of the ethnolinguistic dictionary "Slavic antiquities". In the text, words and phrases were omitted that fix the ethnic-cultural stereotypes that are basic for fortune-telling: the names of unreal characters (otherworldly power), chronotope elements, symbolic attributes of fortune-telling practices and ritual actions. The tendency to desacralization of mythological practices of traditional folk culture, their comprehension in the profane and pragmatic plane, is revealed.

Keywords: ethnolinguistics; ethnic groups; ethnocultural stereotypes; psycholinguistic experiments; cultural texts, fortune telling.

Современной лингвокультурологией, этно- и социолингвистикой и рядом других междисциплинарных областей научного знания, непосредственно связанных с исследованиями текста, соединяющего пространства языка и культуры, востребованной является идея многокодовости культурного текста, в котором в качестве механизма смыслообразования выступает диалогическое взаимоотношение кодов [Барт 2001, Лотман 2002]. Снятие с текста ограничений вербальными рамками характерно, в частности, для этнолингвистических исследований в русле школы Н. И. Толстого, объясняющего такой подход следующими образом: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого

слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае <...> под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [Толстой 1995: 15-16].

К такого рода культурным текстам относится обряд гадания, который включает в себя:

а) **вербальный код** (например, подблюдные песни, сопровождавшие гадания, обращения к потусторонним силам, ритуальные диалоги или ритуальное молчание, иносказания, метафоры – своеобразные символические «намекы», которые использовались для интерпретации будущих событий и т.п. При этом используются типовые формулы призыва (*ряженный-суженый, приходи со мной ужинать*); толкования-прогнозы (*к добру – к худу, к богатству – к бедности, к замужеству – к девичеству, к выздоровлению – к смерти, к удаче – к неудаче*)

б) **акциональный код**, в частности, игру, сопровождающую ритуал. В этом смысле условность и социальная ритуализованность фольклорного текста гадания вполне коррелирует с прагматикой набора сценариев, которые использует ребенок в своей игровой деятельности [Гридина 2012 (а): 6-12]. Акциональная составляющая обряда гадания часто выполняет функцию своеобразного «аккомпанемента» вербальной: *Кольса кладут в миску, закрываются платком и нацинаются петь песни, имея эти кольса и ворожить... Щищас вот и пуговки кладут. Она закрывает платком и нацинат так вот метать их. А скрозь платката она ловит. Вот ще она там поймат, песню-то споют и смотрят: щья там пуговка или щьё кольцо и тому и песня эта выпала* [Востриков 2000, 3: 70]. Песня без сопровождаемого ею действия, равно как и действие без исполняемой песни не выполняют самостоятельных функций.

в) **хронотоп** (понятие, введенное А. А. Ухтомским для объяснения характера поведения, которое «с точки зрения хронотопа <определяется тем, что в сознании человека> существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [Ухтомский 2002: 342]. Гадания, как правило, имеют

временную и локальную приуроченность: считалось, что наиболее «правильный» прогноз можно получить на святки (переломное время перехода от одного года к другому) – от кануна Рождества до крещенского водосвятия. Лучше всего гадать в так называемых «сакрально негарантированных» локусах: на перекрестке, в бане, у колодца, за оградой, у чужой поленницы и т.п. Приведем примеры различных гадательных практик, сохранившихся до сих пор на Урале:

Молодым деушкам всегда когда-то хотелось выйти замуж за богатого, и потому гаданья были многи связаны с тем, что бедный или богатый будет у ей будущий муж. Перед Крещеньем Святки называются, святы вечера. Накануне Рождества деушки брали мутовку, это така лопатка, которой замешивали тесто, квашню называли её, и шли к колодцу. Если на стенках колодца был большой куржак, это уже была хороша примета, этой мутовкой они проводили по стенкам колодца и слушали, как куржак падат в воду, если с шумом, то жених будет богатый, а если куржака мало и шума нет или маленько шумит, то бедный (Смолино, 2018)

В сферу прогностической обработки вовлекаются традиционные представления о семейном благополучии, судьбе, удаче. При этом наиболее устойчивыми являются следующие мотивы: гадание на суженого, верность / измена супруга, счастливая / несчастливая семейная жизнь, успех / неудача предстоящего дела, исполнение желания и т.п. **Синкретизм реального и воображаемого** в народном сознании (см.: [Коновалова 1993]) – феномен, объяснимый психологическими механизмами воображения, которое, как известно, «... порождает что-то новое, изменяет, преобразует то, что нам дано в восприятии. Это изменение <...> может выразиться, во-первых, в том, что человек, исходя из знаний и опираясь на опыт, вообразит <...> картину того, чего в действительности сам никогда не видел. <...> Воображение может, далее, предвосхищая будущее, создать образ, картину того, чего вообще не было. <...> Воображение может, наконец, совершить и такой отлет от действительности, который создает фантастическую картину, ярко отклоняющуюся от действительности. Но и в этом случае оно в какой-то мере отражает эту дей-

ствительность... и в этой форме, отклоняющейся от действительности вплоть до фантастики, воображение не порывает во все с действительностью» [Рубинштейн 1999: 297].

Интерпретация полученной информации осуществляется на основе существенных для адресата сообщения социальных, этнопсихологических, лингвокультурных и т.п. пресуппозиций: «девушка надеется выйти замуж», «слабый ждет помощи от сильного», «богатый боится потерять накопленное» и т.п. Типичным является гадание, основанное на принципе имитативной магии:

Девки на женихов гадали, ходили бросать камень в воду, в колодец ли, в стоячу болотину: коли забурчит, то мужик будет воркотун. А мне кажется чё там, если в болотину, дак всегда забурчит, да еще пузыри пойдут, страшно так: уф-уф! А в колодец бросать дак, можот, и правде чё есь, кто дак и верит (Богданович, 2007).

Суггестивный эффект данного прогностического текста основан на звукоподражательных сближениях *бурчать* (о воде) – *ворчать* (о человеке), что соответствует традиционным гадательным тактикам.

Маркером суггестии текста, содержащего культурно значимую информацию, является и форма языкового знака, и семантический потенциал ритуала, в который включен вербальный текст. Каждый знак в нем имеет множественную интерпретацию, которая зависит от адресата сообщения (его «запроса», состояния, жизненных обстоятельств, воображения и т.п.), от исполнителя (его мотивов, компетенции, творческой фантазии и т.п.), от соотношения с другими знаками и т.д. (см.: [Бекасова 2020]). Ср. также возможность использования «широкозначных» глаголов, способных «обозначать как конкретные наблюдаемые физические действия, так и неконкретные, ненаблюдаемые эмоциональные, речевые или социальные процессы» [Плотникова 2009: 24].

Еще гадали на бобы. Есь така пословица: в бобы не ворожи. Это значит, все ясно с этим человеком. На бобы это как значит: раскладывали на столе бобы и просто задавали вопросы, ково каки интересовали. И деушка берет значит горсь бобов в

руку, если четно число, то значит ответ верный, да, а если нечетно число бобов, значит нет, не сбудется. И всяки присказки еще говорят на бобы-те, на каждый боб, чё в голову придет, ну там в деревне все знают друг друга, дак и ну там в деревне все знают друг друга скажут как есь. А не сойдется, дак на бобах значит остался (Смолино 2021).

Другой пример – гадание, основанное на принципе партициптивной магии, согласно которой принципиально различные связи предметов и явлений представляются в едином семантическом комплексе условной магической сопричастности:

Он там ложится, чтобы она с его сапоги сняла, а она сняла, дак чёрт его знает, в какой сапоге деньги-то. Если они не выпадут из сапога, то они хорошо будут жить. А если выпадут, то они не уживут, чё-нибудь случится с имя. Так вот и старается она, а бывает, что и выпадут. Вот у нас Егор Еремеевич брал баталовску, ну она осталась, верно, ведь не знашь, в каком сапоге; стала снимать, у её деньга выпала и покатила. И в щель. И так и не нашла она её... И все там стали говорить: «Ну чё, Анна Ивановна, долго не наживёшь счастливо» (Шухруповское, Туринск.) [Востриков 2000, 2: 154].

В этом тексте актуализирован мотив благополучной семейной жизни, ср. типичную для этого мотива символику: деньги, интерпретация семантики приобретения / утраты (ср. глаголы *падать, покатиться / укатиться, найти / потерять*) и обыденные предметы (обувь, одежда, домашняя утварь) в несвойственной для них функции т.д.

В целом же суггестивность гадания определяется тем, что человек, не ждет каких-то рационально-логических обоснований прогноза, априори верит интерпретации каждого знака. Прогностический потенциал вербальных и невербальных знаков, структурирующих текст, реализуется в опоре на этнокультурные стереотипы. Понятие стереотипа не имеет однозначного определения, во-первых, в силу многоаспектности самого феномена; во-вторых, из-за использования этого понятия в разных парадигмах гуманитарного знания с разными целями. Приведем несколько определений данного понятия с выделением тех его аспектов, которые представляются нам наиболее значимыми для данного

исследования: Стереотип – это «субъективно детерминированное представление <о чем-либо>, являющееся *результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей*» [Бартминьский 2005: 189]. Ср.: «В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин „стереотип“ относится исключительно к *содержательной стороне языка и культуры*, и коррелирует (по линии гипоним – гипероним) с так называемой *наивной картиной мира*» [Толстая 1995: 125]. Таким образом, этнолингвистами подчеркивается, что социально и этнокультурно значимые представления могут формироваться в рамках существующих (заданных традицией) моделей познания действительности, а эти представления в конечном счете и формируют стереотипы, находящие содержательное воплощение в наивных картинах мира.

Психолингвистика открывает новый (операциональный) ракурс исследования стереотипов – в опоре на показания языкового сознания носителей конкретной лингвокультуры. Ср.: «Стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] *национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей*» [Красных 2003: 231]. Такой психолингвистический подход позволяет экспериментально исследовать этнокультурные стереотипы, закрепленные в гаданиях. Прдемонстрируем это на примере эксперимента по заполнению текстовых лакун, являющегося вариантом метода вероятностного прогнозирования (ср.: «... преднастройка к действиям в предстоящей ситуации, опирающаяся на вероятностную структуру прошлого опыта, может быть названа вероятностным прогнозированием» [Фейгенберг 1966: 127-128]).

В качестве теоретической основы эксперимента используем 2 постулата (полное описание см. в: [Гридина, Коновалова 2020: 95-111]), наиболее адекватных материалу и цели исследования:

1. Порождение и восприятие речи подчиняется *закону семантического согласования* (В.Г. Гак), когда каждый очередной

фрагмент высказывания / текста обнаруживает (подкрепляет, проясняет, поддерживает) смысл предыдущего;

2. Прогноз появления того или иного элемента в речевой цепи связан с опорой говорящего на типовые пресуппозиции – основанные на практическом опыте знания носителей определенного языка и культуры о предмете речи (описываемой ситуации).

Процедура проведения эксперимента по этой методике заключается в следующем:

Испытуемым предъявляется деформированный текст, в котором пропущены отдельные слова. В классическом варианте при лакунаризации текста пропускается каждое 5-е или 9-е слово, что обусловлено объемом оперативной памяти (7+/-2). В нашем варианте из текста исключены только слова и номинативные словосочетания определенного типа: фиксирующие базовые для гаданий этнокультурные стереотипы: названия нереальных персонажей (потусторонней силы), элементов хронотопа, символических атрибутов гадательных практик и ритуальных действий.

Текст для восстановления смоделирован на основе материалов этнолингвистического словаря «Славянские древности» [СД, т.1: 482-486] с учетом отмеченных выше кодов текста гадания.

Гадание – _____, направленный на установление контакта с _____ с целью получения знаний о будущем. Для угадывания будущего было необходимо посредничество _____, _____, _____. Ритуалы гадания осмыслялись как дело _____, _____ и _____. Специальные словесные формулы призывали нечистую силу явиться и открыть будущее: «_____ - _____, покажи мне будущего мужа!», «_____ лесные, болотные, полевые, все _____, _____, идите все сюда, скажите, в чем моя судьба!».

Чтобы установить контакт с духами, гадающие совершали определенные действия: снимали с себя _____, девушки _____, выходили из дома _____, или _____, тайком, чтоб никто не видел, исполняли ритуал, _____, закрыв лицо платком.

Для гаданий избирали особые места, где обычно обитали или появлялись _____. Такими местами считались заброшенные _____, _____, _____, _____, _____, _____, а также локусы, осмысляемые как пограничное пространство между «своим» и «чужим» миром: _____, _____, _____, место у _____, _____, _____, _____ и т.п.

Время, считавшееся благоприятным для гаданий, также имело отношение к переломным, пограничным периодам, которые считались особенно опасными. Основная масса гаданий была приурочена к солнцеворотам: зимнему (_____) и летнему (_____), иногда гадания растягивались на несколько дней до _____. В масштабах суток для гаданий считались подходящими _____ и _____ до _____, дальше уже ничего не угадывается.

Символика предметов играла первостепенную роль в гаданиях, основанных на выпадении жребия. Символами удачи в хозяйстве считались _____ и _____, символы болезни и печали – _____, _____, символы смерти – _____, _____, символы богатства – _____, _____, символы замужества – _____, _____ и др.

Результаты данного эксперимента показывают, что в заполнении текстовых лакун испытуемые в большей степени опираются на ближайший контекст и синтагматику, особенно в случаях с неначальной грамматической формой слова, предшествующего лакуне или следующего сразу за ней (*ритуал // процесс, направленный; сутки – вечер, ночь*). Ср. в этой связи наблюдения относительно выбора в процессе ассоциирования единиц, «которые подсказываются правилами комбинаторики» [Норман 2011: 79-84]. Экспериментально доказано, что «текстопорождающие стратегии – в плане их когнитивной и языковой обусловленности – должны обнаружить зависимость от грамматической формы заданного стимула» [Гридина 2012 (6): 21]. См также: [Стексова 2019: 190-199].

В случае непрозрачной грамматической связи (*к солнцеворотам: зимнему (святки) и летнему (Иванов день)*) не восстанавли-

ливаются вообще или указываются родовые названия: *месяц, время, солнцестояние*. Возможно, это объясняется и незнанием конкретных реалий. Приглагольные лакуны (выходили ..., шли ..., исполняли ритуал ...) заполнены только наречиями (*ночью, поздно, тихо, по одному, вместе*).

«Сильным» фактором заполнения лакун является типовая сочетаемость пропущенных слов (*появлялись привидения*). Ожидается наиболее сложными для восстановления оказались названия предметов деревенского быта (*овин, сени, пряжа, хлеб*).

Самые широкие вариации наблюдались в заполнении текстовых лакун, обозначающих названия нечистой силы (сама родовая номинация в тексте сохранена). Восстановлению пары «*лешие, лесные*» мешает тавтология, а в остальном наблюдается большой разброс в выборе соответствующих единиц для заполнения лакун. Представим «комплексный» вариант восстановленного текста:

Гадание – ритуал // процесс // акт // ритуал, направленный на установление контакта с потусторонними силами // с духами умерших // с привидениями // с предками с целью получения знаний о будущем. Для угадывания будущего было необходимо посредничество духов, нечистой силы, умерших // духов // умерших // медиумов // гадалок // экстрасенсов. Ритуалы гадания осмыслялись как дело нечистое, опасное и грешное // трудное // опасное // страшное // непонятное // денежное // привычное // колдовское

Специальные словесные формулы призывали нечистую силу явиться и открыть будущее: Дедушка-домовой // дух // святой дух // Дьябло (персонаж компьютерных игр) // кто-нибудь // господи // Аннигибус // зеркало (хотя ему предшествует словосочетание нечистую силу). «Лешие лесные, болотные, полевые, все черти, бесенята, идите все сюда, скажите, в чем моя судьба!» // тролли // черти // духи // домовые // оборотни // волкодлаки // Доктор Уайли // Дракула // Дормин.

Чтобы установить контакт с духами, гадающие совершали определенные действия: снимали с себя крест // шапку // платки // одежду // украшения, девушки распускали косы // плакали // пели песни // крестились // молились, выходили из дома не пере-

крестясь // тихо // с песнями и плясками // ночью // поздно // после полуночи, шли молча // тихо // быстро // пешком // поодиночке, тайком, чтоб никто не видел, исполняли ритуал, зажмурившись // тихо // как всегда // медленно // при свечах // со свечой // привычно // по привычке // без шума, закрыв лицо платком.

Для гаданий избирали особые места, где обычно обитали или появлялись духи // привидения. Такими местами считались заброшенные дома, баня, овин, хлев, чердак, сени // сараи // избышки // дома // гаражи // порталы // пустыри // кладбища, а также локусы, осмысляемые как пограничное пространство между «своим» и «чужим» миром: печь, порог, забор, ворота // лес // кладбище, место у колодца, перекресток, кладбище, межи, развилки дорог // у ворот ада // портал в ад // леса // опушки // дома // окна // зеркала // порога // печки и т.п.

Время, считавшееся благоприятным для гаданий, также имело отношение к переломным, пограничным периодам, которые считались особенно опасными. Основная масса гаданий была приурочена к солнцеворотам: зимнему (святки // месяцу // времени // морозу // Новый год) и летнему (Иванов день // времени // месяцу // солнцестоянию // Ивана Купалы), иногда гадания растягивались на несколько дней до Рождества // пасхи // Рождества // Крещения // месяца // Нового года. В масштабах суток для гаданий считались подходящими вечер и ночь // вечер // ночь // полночь // сумерки до первых петухов // раннего утра // рассвета // третьих петухов // восхода солнца // первой звезды, дальше уже ничего не угадывается.

Символика предметов играла первостепенную роль в гаданиях, основанных на выпадении жребия. Символами удачи в хозяйстве считались хлеб и зерно // пшеница // хлеб // курица ряба // рыжий кот // корова, символы болезни и печали – уголь, зола // таблетки // копейка // медный грош // мыши // плохая одежда, символы смерти – земля, щепка, песок // крест // земля // белый платок // носовой платок // свеча, символы богатства – монеты, пряжа // деньги // золото // золотые монеты // серебро // дорогие украшения, символы замужества – кольцо, венок // кольцо // фата // замок // каравай // хлеб-соль и др.

Гештальтная стратегия заполнения лакун проявилась в единичных случаях у респондентов, темы курсовых работ которых связаны с лингвокультурологией. Эта стратегия включает в зону «восстановления» лакун широкий внешний культурный фон, содержащий более полную информацию о затекстовой ситуации и «актуализирующий» знания респондентов, основанные на их опыте.

В целом экспериментальное исследование обряда гадания, синтезирующего реальность практического знания и символическое представление о нем, выявило общую тенденцию к десакрализации мифоритуальных практик традиционной народной культуры, их осмыслению в профанно-прагматической плоскости.

В каком-то смысле наши наблюдения обращены к проблеме, поднятой в одной из работ И.А. Бубновой, – к проблеме функциональной неграмотности, которая, представляет собой совершенно новый тип цивилизационного риска, характеризующегося переходом от существования в условиях, налагающих на нас «местный» отпечаток, к существованию универсально всеобщему». При этом такое «универсально всеобщее» предполагает стирание любых культурных различий. См.: [Бубнова 2019: 23-31]. Методика заполнения текстовых лакун продуктивна для выявления динамики этнокультурных стереотипов и явлений новой мифологизации (см., например, заполнение лакун в тексте традиционной народной культуры лексикой компьютерных игр и комиксов).

Литература

Барт Р. Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. М., 2001. С.168-175

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польск. М.: Индрик, 2005.

Бекасова Е.Н. Креативность на грани сакрального и профанного в древнерусском тексте // Уральский филологический вестник / гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. № 2. С.239-256.

Бубнова И.А. Функциональная неграмотность: неучтенные риски или запланированный результат? // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2019. Вып. 17. С. 23-31.

Востриков О. В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 2. Народ-

ная свадьба. Вып. III. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. Екатеринбург, 2000.

Гридина Т. А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива-2 / Под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2012 (а). С. 5-33.

Гридина Т. А. Методика завершения высказывания: стратегии текстопорождения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2012 (б). Вып.10. С.18– 34.

Коновалова Н.И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Москва, 1993. – 20 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство», 2002.

Норман Б. Ю. Основы психолингвистики. Курс лекций. Минск, 2011.

Плотникова А.М. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1-2. С. 24-31.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: «Питер», 1999.

Стексова Т.И. К проблеме выбора одной из возможных синтаксических конструкций (по данным психолингвистического эксперимента) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2019. Вып. 17. С.190-199.

Толстая С. М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конференции. М., 1995. С. 124–127.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995.

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: «Питер», 2002.

REFERENCES

Bart R. Lingvistika teksta // Tekst: aspekty izucheniya semantiki, pragmatiki i poetiki. M., 2001. S.168-175

Bartmin'skiy YE. Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike / per. s pol'sk. M.: Indrik, 2005.

Bekasova YE.N. Kreativnost' na grani sakral'nogo i profannogo v drevnerusskom tekste // Ural'skiy filologicheskiy vestnik / gl. red. T.A. Gridina. – Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2020. – №. 2. S.239-256.

Bubnova I.A. Funktsional'naya negramotnost': neuchtennyye riski ili zaplanirovanny rezul'tat? // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Yekaterinburg, 2019. Vyp. 17. S. 23-31.

Vostrikov O. V. Traditsionnaya kul'tura Urala. Etnoideograficheskiy slovar' russkikh govorov Sverdlovskoy oblasti. Vyp. 2. Narodnaya svad'ba. Vyp. III. Narodnaya estetika. Sem'ya i rodstvo. Obryady i obychai. Yekaterinburg, 2000.

Gridina T. A. Logika yazykovogo paradoksa v detskoj rechi // Lingvistika kreativa-2 / Pod obshechey red. prof. T.A. Gridinoy. Yekaterinburg, 2012 (a). S. 5-33.

Gridina T. A. Metodika zaversheniya vyskazyvaniya: strategii tekstoporozhdeniya // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Yekaterinburg, 2012 (b). Vyp.10. S.18-34.

Konovalova N.I. Fitonimika govorov Srednego Urala v sistemno-funktsional'nom aspekte. Avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk / Moskva, 1993. 20 s.

Krasnykh V. V. «SvoY» sredi «chuzhiKH»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003.

Lotman YU. M. Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury. SPb.: «IskusstvO», 2002.

Norman B. YU. Osnovy psikholingvistiki. Kurs lektsiy. Minsk, 2011.

Plotnikova A.M. Shirokoznachn-yye glagoly v sovremennom russkom yazyke // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarn-yye nauki. 2009. T. 63. № 1-2. S. 24-31.

Rubinshteyn S. L. Osnovy obshechey psikhologii. SPb.: «PiteR», 1999.

Steksova T.I. K probleme vybora odnoy iz vozmozhnykh sintaksicheskikh konstruksiy (po dannym psikholingvisticheskogo eksperimenta) // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Yekaterinburg, 2019. Vyp. 17. S.190-199.

Tolstaya S. M. Stereotip v etnolingvistike // Rechev-yye i mental'n-yye stereotipy v sinkhronii i diakhronii: tezisy konferentsii. M., 1995. S. 124–127.

Tolstoy N. I. Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike. M. : Indrik, 1995.

Ukhtomskiy A. A. Dominanta. SPb.: «PiteR», 2002.

©Коновалова Н.И., 2021

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281. E-mail: sakralist@mail.ru

Konovalova Nadezhda Il'ichna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).